

МАРИ ТЕРЕЧИК:

Культура. — 1998. — 5-11 ноября. — с. 14

Судьба меня баловала...

Секрет молодости венгерской актрисы

Слева: Мари Теречик сегодня.
Справа сверху: в фильме "Карусель".
Справа внизу: в спектакле "Таня"

Великая актриса Венгрии. Просто чудо. Никогда еще не была так красива и молода... И все это о Мари Теречик. Венгерская пресса восторженно откликнулась на ее новые театральные работы...

В одном из многочисленных интервью, которые актриса дала в последнее время, репортер спросил и о том, в чем секрет ее молодости, а Теречик никогда не скрывала своих лет — актрисе уже 63... Может быть, ей удалось достичь почти недостижимого внутреннего покоя, душевной гармонии? Она отвечала, что никогда не стремилась к тому, чтобы выглядеть моложе, никогда особо не следила за своей внешностью. Не занималась гимнастикой, не сидела на диете и к косметологу ходила не чаще чем раз в десять лет. Просто воспитывала детей; вела хозяйство. И всегда много работала. Такой ее все и знают. Но действительно последнее время одарило ее яркими впечатлениями, незабываемыми переживаниями...

Недавно Мари Теречик сыграла Кручинину в пьесе Островского "Без вины виноватые". На сцене театра небольшого вен-

герского городка Сольнок спектакль поставил Анатолий Васильев. И это уже не первая встреча актрисы с известным российским режиссером. Несколько лет назад в Будапештском Художественном театре, где она была директором, в его постановке шел "Дядюшкин сон" Достоевского. И в квартете героев спектакля актриса играет главную роль. Этим двум работам Теречик отводит большое место в творческой жизни. И даже считает их высшим своим достижением.

Судьба сводила актрису со многими именитыми режиссерами — и кино, и театра. Вот только что она работала с Анатолием Васильевым. Как это было? По словам актрисы, со временем они стали лучше понимать друг друга. Хотя однажды была очень бурная дискуссия, они кричали: одна — по-венгерски, другой — по-русски. Но всего три минуты... Просто это была трудная роль...

На долю актрисы в спектакле "Без вины виноватые" действительно выпало нелегкое испытание — сыграть воспоминание Кручинины о ее молодости, героиня предстает в пьесе в обра-

зе 20-летней. Теречик вспоминала свою первую реакцию на предложение режиссера вернуться в совсем уже не близкую для нее юность.

— Категорическое — "нет", но он уговорил, — вспоминает она, — и я, закончив одно действие пожилой, разбитой жизнью женщиной, потом поменяла туалет и вышла на сцену такой, какой хотел меня видеть режиссер. В свои 63 года как бы вернулась в пору, когда мне было 20. Что нужно было для этого? Смелость. Вера в режиссера, в себя, что смогу это сделать...

А она многое смогла в своей жизни. Будучи студенткой первого курса института театрального и киноискусства, снялась в фильме "Карусель" у известного режиссера Золтана Фабри. Этот фильм обошел экраны многих стран, снискав совсем юной актрисе широкую известность. "Карусель" вознесла меня высоко", — годы спустя скажет Теречик. Сегодня на ее счету около ста фильмов. А на театральные подмостки ее вывел, можно сказать, режиссер Московского Художественного театра Григорий Конский, который приехал в Будапешт в 1956 году. Это он пред-

ложил на сцене будапештского театра поставить "Таню" Арбузова — с неизменным условием, что главную роль сыграет Мари Теречик. Успех спектакля, как вспоминают театралы, был грандиозным. И это стало началом блистательной сценической карьеры актрисы. Ее успехи на этом пути во многом связаны с пьесами русских, советских драматургов.

Золтан Фабри, который работал с Теречик, называл ее солдатом, готовым без устали трудиться с утра до вечера. Сама она считает, что ее баловала судьба, часто одаривала званиями, наградами, признанием. Но все это, как говорит актриса, не оказывало на нее большого влияния, ничего не прибавляло, не убавляло, она всегда остерегалась самоуспокоенности, удовлетворенности достигнутым. Чего бы ей сейчас больше всего хотелось? Остановить время. Поэтому что после 60 лет человек слову вступает в другое измерение, в котором яснее видно, что жизнь не бесконечна. "А я ужасно люблю жизнь", — говорит она.

Галина ГЕРАСИМОВА

Въезд в музей в коляске разрешен?

Такое разное отношение к инвалидам

Последнее десятилетие наши соотечественники активно путешествуют по миру. Естественно, посещают и всемирно знаменитые музеи. Меня лично, когда я впервые попала в Лувр, поразили не столько шедевры, сколько разнообразие публики и та раскованность, с которой публика эта держится. Только там я впервые увидела, как лихо разъезжает по залам человек в инвалидной коляске и как уверенно он себя чувствует. Специальные лифты, пандусы и даже туалеты для инвалидов — на каждом этаже. Словом, в Лувре есть все, чтобы человек, прикованный к креслу на колесах, чувствовал себя свободно и покойно и чтобы ничто ему не мешало получать наслаждение от встречи с искусством.

Мое уважение к Лувру возросло еще больше, когда я обнаружила комнаты "Мать и дитя" —

уютные помещения, где можно покормить младенца и сменить ему памперс. Недаром по залам бродит столько молодых семейств с колясками и рюкзачками "кенгуру". Французы справедливо полагают, что мамы — тоже люди и им иногда тоже хочется насладиться лицезрением картин, несмотря на наличие малых деток. И никого не раздражают ни детский плач, ни детская беготня.

К тому, что дети в музее ведут себя порою слишком непосредственно, там относятся спокойно. На то они и дети. Сколько раз мне попадались на глаза группы детишек четырех-пяти лет, вальяжно устроившихся на полу перед очередным шедевром — кто сидя по-турецки, а кто и попросту лежа на животике, — внимавших объяснениям экскурсовода.

Когда-то меня все это поразило в самое сердце, и я открыла

для себя одну из истин западного образа жизни: музеи — для людей. Причем для всяких и разных. Более того, бродя во время своих путешествий по сокровищницам Европы, я успела к этому даже привыкнуть. А зря! Живя в России, привыкать к хорошему вредно для нервной системы.

В наших музеях человека в инвалидном кресле встретить не удастся. И не потому, что наших инвалидов не интересует, скажем, живопись. Им в наши музеи просто физически не попасть. Но если на оборудование специальными лифтами и пандусами нужны деньги, то уж на то, чтобы разрешить входить с детской коляской, материальных затрат не требуется. В данном случае требуется лишь осознать, что детишек порой и не с кем оставить.

— Вы что, с ума сошли?! — зашипели на меня в Питере, когда я попыталась войти в открывшийся

после двадцатилетней реставрации храм Спаса на Крови с двухлетней дочкой, восседавшей на прогулочной коляске. — С колясками нельзя! У ней колеса, на улице дождь, и вообще! Надо же, какая наглость! И нечего в нас европейскими музеями тыкать. И ехайте в свою Европу!

Увы, так и сказали. Записала дословно. У нас ведь не музеи для людей, а люди для музеев. И не все, а только те, которые, по мнению вечной совковой тетки у входа, созрели для встречи с прекрасным. Храм Спаса на Крови посмотрю я, наверное, лет через десять, когда дочка подрастет. Если, разумеется, не окажется, избави Бог, к тому времени сама в инвалидной коляске.

Ася КАВТОРИНА

Париж —
Санкт-Петербург —
Москва